

DOI: 10.31857/S0869544X0012102-5

A. MICHAŁEC, St. NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA. „Jak chłop u diabła pieniądze pożyczał”: Polska demonologia ludowa w przekazach ustnych [Materiały etnolingwistyczne – 3]. Lublin, 2019. 316 s.

A. МИХАЛЕЦ, Ст. НЕБЖЕГОВСКАЯ-БАРТМИНЬСКАЯ. «Как мужик у черта деньги занимал»: Польская народная демонология в устной передаче [Этнолингвистические материалы – 3]

Польские этнолингвисты подготовили и издали в Люблине сборник аутентичных фольклорных текстов по народной демонологии, собранных в разных, преимущественно восточнопольских, районах за последние полвека (в период с 1960 до 2014 г.). Его составители – Анна Михалец и Станислава Небжеговская-Бартминьская – назвали том «Как мужик у черта деньги занимал», однако издание носит не просветительско-популярный, а научно-прикладной характер. Оно служит целям создания документальной базы для работы над очередными выпусками многотомного коллективного труда – «Словаря народных стереотипов и символов» [1]. В настоящее время опубликованы: четыре части тома «Космос» и две части тома «Растения». Ведется работа над тематическими томами: «Животные», «Человек», «Общество», «Религия и демонология», «Время, пространство, цвета и меры». Они использовали богатые фонды полевых фольклорно-этнографических записей, хранящихся в Кабинете этнолингвистического архива, работающего при Люблинском университете им. Марии Кюри-Складовской. Структура книги и принципы публикации архивных текстов определяются в этом томе уже сложившейся практикой издания аналогичных томов разной тематической направленности, выходящих под грифом «Этнолингвистические материалы». Подобные сборники содержат ранее не публиковавшийся архивный материал в виде жанрово дифференцированных текстов, которые в дальнейшем будут служить одним из источников для статей упомянутого нами выше «Словаря народных стереотипов и символов».

Таким образом, одной из особенностей рецензируемого издания является жанровообразное включение в него текстов,

т.е. опубликованные архивные записи демонологического содержания сгруппированы по жанровым разделам: сказки, предания и легенды, суеверные нарративы (былички), юмористические рассказы, сновидения, а также народные поверья, описания магических практик и заговора. Том содержит 380 текстов, зафиксированных в 124 населенных пунктах.

Жанровый принцип изложения материала, с одной стороны, позволяет раскрыть многогранность и разнопрофильность народных представлений о персонажах низшей мифологии, которые по-разному описываются в быличках, сказках, заговорах и т.п. А с другой стороны, этот издательский принцип создает ряд трудностей для составителей, так как границы между отдельными жанрами часто бывают трудно определяемыми. Это касается, например, быличек и сказок о глупом черте, или быличек и поверий о нечистой силе. Один и тот же текст может содержать признаки сюжетного повествования (бывальщина, случай из жизни) и одновременно краткого поверья, сообщения о внешнем виде демона, его вредоносных действиях, о правилах поведения человека при встрече с ним и т.п. Кроме того, вызывает ряд вопросов сам выбор именно этих, а не других жанров, представленных в книге: почему не были учтены, например, пословицы и поговорки, содержащие упоминание персонажей нечистой силы. Весьма перспективными источниками для изучения народной демонологии, с моей точки зрения, являются также формулы проклятий, построенные как отсылки к вредоносным демонам и духам болезней. То же можно сказать о жанре запретов, включающих стереотипные формулы запугивания детей («не ходи к реке, русалка утопит»). По-видимому, выбор включенных

в книгу жанровых разновидностей объясняется содержанием самого архивного материала, которым располагали составители.

Вместе с тем именно такая (жанрово дифференцированная) структура сборника позволяет исследователям проследить современные процессы освоения разными жанрами одних и тех же, типовых для низшей мифологии, сюжетов и мотивов. Это касается, например, чрезвычайно популярных у западных и восточных славян мифологических сюжетов типа «черт-любовник», «смерть-кума», или «запроданный черту ребенок» («продай то, чего дома не знаешь»). Последний из названных сюжетов, зафиксированный во множестве вариантов среди украинско-белорусских сказок и быличек [2. С. 205, сюжет № 811*], в польской прозе неожиданно выступает в форме народной легенды, поскольку избавление «запроданного» младенца в этом тексте достигается не хитростью людей, сумевших обмануть черта, а спасительным вмешательством Божьей Матери (с. 86–88 № 23). Общим для восточнопольской и восточнославянской мифологии оказывается сюжет «смерть-кума», который бытует в Белорусском и Украинском Полесье то в виде сказки, то в виде былички [2. С. 123–124, сюжет № 332], при этом в обеих традициях (польской и восточнославянской) устойчиво сохраняется мотив «крутящейся кровати» и характерная реплика, приписываемая персонафицированной Смерти: укр. «Круты нэ вэрты, а трэба вмэрты!» [3. С. 598, текст № 184] и пол. (в переводе на русский): «Не надо, кум, крутить-вертеть, а надо на тот свет лететь!» (с. 86–88 № 23).

Вполне закономерно, что большая часть опубликованных в сборнике текстов представлена двумя главными (характерными для демонологической прозы) жанрами: суеверные рассказы (191 текст) и мифологические поверья (156 текстов). А внутри этих разделов тексты сгруппированы вокруг конкретных персонажных типов (черт, змора, ведьма, планетник, ходячий покойник, привидения и т.п.) либо вокруг наиболее характерных тематических блоков: о блуждании в лесу, о насылании порчи, об избавлении от колтуна и т.п.

Особую проблему для составителей рецензируемого сборника представляет необходимость озаглавить каждый текст, который в практике естественного бытования не имеет заглавий. Как и в предыдущих тематических сборниках серии «Этнолингвистические материалы», посвященных растениям и животным, в настоящем, «демонологическом», томе принята концепция формулировать заголовки к текстам, во-первых, используя метаязык исследователей («Черт играет в карты», «Ведьма собирает росу», «Умершая мать приходит

к своему ребенку»), — и в этом случае заголовок при публикации текста обозначен прямым шрифтом. Либо, во-вторых, используется аутентичный язык оригинала, — и тогда заглавие выделяется курсивом («Смеется, как черт в сухой вербе», «Посмотрит, удивится, похвалит и слазит»). Либо, наконец, в-третьих, используются оба способа, — и тогда лишь народные слова и выражения обозначаются курсивом («Крутящийся в воздухе вихрь — это черт на обед идет»). Наличие заглавий — как в общем постраничном содержании тома, так и перед каждым текстом внутри сборника — существенно облегчает читателям нахождение нужной ему информации и позволяет быстро сориентироваться в тематическом многообразии опубликованных данных.

Какие же региональные особенности восточнопольской народной демонологии могут быть отмечены на основе материалов, опубликованных в указанном издании? Прежде всего, большой интерес для специалистов представляет тот факт, что мы имеем дело с текстами, отражающими современное состояние польской мифологической традиции. И с этой точки зрения очень ценными оказываются зафиксированные собирателями попутные реплики и комментарии информантов, раскрывающие их отношение к описываемым событиям. В этом смысле бросаются в глаза две прямо противоположные тенденции: с одной стороны, в текстах часто фиксируются утверения рассказчиков, что встреча с мифическим существом — «это никакие не байки, а чистая правда», а с другой стороны, что «это я вам рассказываю со слов моей бабушки, но мы в это не верим». Как известно, «формулы достоверности» — это один из основных жанровых признаков быличек, и само наличие в тексте таких формул может свидетельствовать о сохраняющейся актуальности в настоящее время некоторых демонологических верований; ср. следующие реплики: «Это то уж неправдивейшая правда!»; «Это никакие не шутки, а истинная правда!»; «Это аутентичный факт, а не бредни какие-нибудь!» и др. Вместе с тем нередки и заявления прямо противоположного характера, когда рассказчик сообщает, что он не верит ни в каких духов; либо он недоумевает, почему раньше встречи с нечистой силой происходили постоянно, а нынче вся эта нечисть исчезла. В этой связи особый интерес вызывают такие тексты (включенные в раздел суеверных рассказов), жанр которых можно определить как «псевдобыличка», ибо некое загадочное и пугающее событие трактуется в них с естественнонаучных позиций, опровергающих мистическую суть происходящего, так что рассказ из разряда «страшных» переходит в разряд «комических». Таких примеров в книге довольно много, и их целесообразно было бы

выделить в отдельную жанровую группу, так как они утратили признаки традиционного суеверного рассказа.

О своеобразии каждой региональной мифологической системы можно судить прежде всего по составу персонажей. Судя по включенным в рецензируемое издание текстам, восточнопольская низшая мифология представлена, во-первых, общеизвестными, характерными для западнославянской традиции образами: это разного рода черты, покойники, привидения-страхи, духи-«покутники» (души на покаянии), блуждающие огни, души умерших некрещеных детей, ведьма, чернокнижник, змора, полудница, топелец (тип водяного духа), хованец (тип домашнего духа), волколак (человек-оборотень), персонифицированная Смерть, а также ряд персонажей узорегиональных поверий: блуд, вихрь, ночница (*nocula*), русалка, овчар (тип знахаря), планетник (человек, умеющий отводить градоносные тучи от села) и ряд др. Бросается в глаза отсутствие типичных для Южной и Центральной Польши образов «богинки», «ребенка-подмышья»; не отражены общепольские мотивы, связанные с духами, охраняющими подземные клады, с персонификациями повальных болезней. Вместе с тем чрезвычайно подробно оказывается разработанным в восточнопольской мифологии образ черта (в самых разных его персонажных воплощениях): примерно треть всех текстов, включенных в рецензируемый сборник, содержит упоминание о нем. Многочисленными и хорошо сохранившимися вариантами представлены поверья о ночных привидениях и оборотнях (*strachy*), о зморах, заплетающих гриву коням и душащих по ночам спящих людей, о ходячих покойниках, о душах на покаянии («покутниках»).

Второй важной характеристикой любой региональной демонологии является сам по себе список традиционных мифологических сюжетов и мотивов, независимо от того, за каким персонажем они закреплены. В этом отношении анализируемые нами восточнопольские тексты демонстрируют поразительное содержательное многообразие и большое количество вариантных форм. Часть из них имеет общепольское распространение, ср., например, сюжет о спящем в горах заклятом войске; о провалившейся под землю корчме; о полуднице, преследующей нарушителей запрета работать в поле в полдень; о кающейся душе «геометра», отбывающего посмертное наказание за несправедливое размежевание земли, и ряд др. Другая часть поверий обнаруживает значительные сюжетные схождения с восточнославянской мифологической традицией. И тут выделяется большой комплекс общеславянских сюжетных типов, относящихся к черту, ходячему

покойнику, ведьме и другим «знающим» людям, а также подробно разработанный круг представлений о порче и ее обезвреживании.

Говоря о тематическом богатстве и разнообразии демонологических мотивов, представленных в данном издании, нужно учитывать то обстоятельство, что это далеко не полный их список. Множество полевых записей о нечистой силе, хранящихся в том же самом Этнолингвистическом архиве при Люблинском университете, было уже опубликовано в двух ранее изданных выпусках «Этнолингвистических материалов», посвященных растениям и животным. Так, в том «Растения в устных народных рассказах» [4] включены тексты на сюжеты: о цветении папоротника и об охраняющей его нечистой силе; о том, под какие деревья любит прятаться черт от грома; какие травы считаются надежным апотропеем от злых духов и т.п. А в томе, посвященном животным [5], раздел суеверных рассказов почти сплошь состоит из текстов демонологической направленности, так как в них, во-первых, описываются зооморфные ипостаси мифологических персонажей, а во-вторых, отражаются поверья о том, как нечистая сила вредит домашним животным; ср., например, следующие заглавия опубликованных там сообщений: «Змора заплетает коню гриву», «Ведьма насылает порчу на чужих коров», «Коровы ведьмы дают много молока», «Черт в виде барана», «Черт в виде собаки», «Умершая мать приходит к ребенку в виде собаки» и много других. Сведения о таких мифологизированных животных, как змея, ласка, мышь, волк (которые наделяются в народной традиции множественными демонологическими признаками и функциями), содержатся именно в этом томе о животных, но являются продолжением корпуса текстов по низшей мифологии. Поэтому очень полезными и высоко востребованными являются предметные указатели, которыми снабжены два последних выпуска «Этнолингвистических материалов», т.е. том о животных и «демонологический» том. Вообще оба издания включают большой научный справочный аппарат, совершенно необходимый для специалистов. Имеются в виду: вступительный раздел, указатели места и года записи текста, данные об информантах, исчерпывающие сведения об архивном номере хранения магнитофонных записей, о собирателях информации, а также о тех, кто расшифровывал звуковые записи; предметный указатель к тому. Тексты публикуются в облегченной фонетической записи, легко читаются, отдельные, трудные для понимания, слова сопровождаются соответствующими комментариями и пояснениями в подстрочных сносках.

Что касается авторских толкований отдельных диалектных слов и выражений, я позволю

себе усомниться в одном конкретном случае толкования украинского термина *łaskotka*, переведенного составителями как 'ласка, ласочка' (s. 274 № 360, заглавие текста: «Łaskotki łapią dzieci»). Хотя сама по себе лексема *łaskotka* в украинских диалектах вполне могла бы иметь значение 'ласка как зверек', однако в данном тексте, как мне кажется, речь идет о русалке, названной здесь «лоскотуха», а не о зверьке-ласке. Об этом свидетельствует, во-первых, указание на то, что этим существом запугивали детей, чтобы они не ходили в житное поле (что не характерно для поверий о ласке и очень типично для образа украинской русалки). А во-вторых, сама по себе функция «хватать детей в злаковом поле» — это, по восточнославянским данным, одно из самых типичных вредоносных действий русалки, но никак не ласки. Кроме того, последняя реплика информанта: «О, takie dziewczynki» относится, по-видимому, к «русалкам-ласкоткам», а не к детям, собиравшим цветы для веночков.

Можно предположить, что в дальнейшем еще будут публиковаться этим же научным коллективом очередные части архивных материалов, содержательно связанных с темами будущих томов «Словаря народных стереотипов и символов». И тогда наши знания о польской народной демонологии еще больше расширятся за счет новых публикаций сюжетных рассказов и поверий о ребенке-подмышке, о духах болезней, о персонажах, контролирурующих правильные сроки тканья/прядения и т.п.

Только что вышедшая из печати очень интересная подборка впервые публикуемых архивных материалов по восточнопольской мифологической традиции, безусловно, будет востребована широким кругом читателей и специалистов в области разных антропологических наук. Но особенно ценными представляются эти тексты

для фольклористов и этнолингвистов, занимающихся разработкой проблем изучения мифологии внутриславянских пограничных зон.

© 2020 г. Л.Н. Виноградова
lrv36@yandex.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Słownik stereotypów i symboli ludowych / red. Jerzy Bartmiński, zastępca red. St. Niebrzegowska. Lublin, 1996–2017.
2. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Барраг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979.
3. Народная демонология Полесья (Публикация текстов в записях 80–90-х годов XX века) / Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М., 2016. Т. 3. Мифологизация природных явлений и человеческих состояний.
4. *Niebrzegowska St.* «Przestrach od przestachu»: Rośliny w ludowych przekazach ustnych. [Materiały etnolingwistyczne – 1]. Lublin, 2000.
5. *Bartmiński J., Kielak O., Niebrzegowska-Bartmińska St.* «Dlaczego wąż nie ma nóg?»: Zwierzęta w ludowych przekazach ustnych [Materiały etnolingwistyczne – 2]. Lublin, 2015.

Рецензия написана при поддержке гранта РФФИ № 20–012–00300 «Низшая мифология славян: Новые методы и подходы к исследованию».